

НОЯБРЬ

«Поймите свободную законность. Поймите любовь творящую.

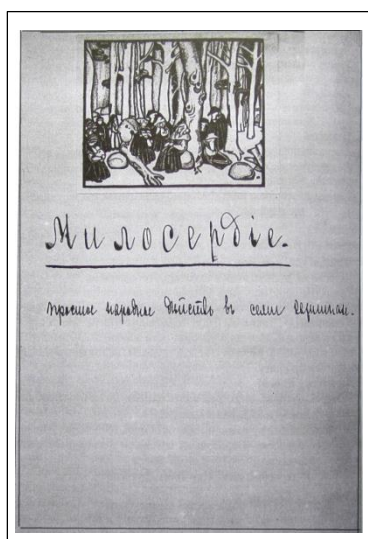
Помните, что самое страшное - бунт одичалого народа против знания. Против всех, кто знает больше дикаря. Правда, в истории такие бунты редки, но всё-таки мы их знаем. Содрогаемся, но уже знаем. Ступень такого народа очень низка, но всё-таки бывает народ, изгоняющий учителя. Голодного, самоотверженного народного учителя! Поэтому идея народного просвещения и ближе всего к понятию подвига»...

Н.К. Рерих. «Единство».

Н.К. Рерих. Весть Фёдору Тирону. 1917.

Сердоболь, 1 ноября 1917 г.

Титульный лист рукописи «Милосердие»

МИЛОСЕРДИЕ

Простое народное действие в VII картинах

I картина

Высокое помещение с открытыми пролётами колонн в глубине. На первом плане с двух сторон поднимаются снизу две лестницы. В пролёты колонн видно небо, освещённое пожарами. Яркие клубы дыма и искр. Слышны звуки труб и рожков. Временами глухие удары каменётов и стенобитных орудий. Всё время, то удаляясь, то приближаясь, - лающая человеческая толпа: ау, ау, ау! Посередине за столом - старейшины. В пурпурных плащах. По лестницам снизу сбегают вестники, иногда истерзанные и раненые. (Общий тон картины похож на «Зарево».)

Н.К. Рерих. Зарево. 1914.

1-ый вестник (*продолжая весть*). ...Ими овладело безумие. Наши отступают. Вождь ошибся. Он вступил в переговоры. Он собрал пленных и отпустил их. Они всё высмотрели. Всё узнали. Сегодня они опять бьются. Им дали новое оружие. Они уверены теперь, что позволено всё. Думают, что они знают.

2-ой старейшина (*шепчет*). Опять переговоры! Или трус? Или глупец?

3-ий старейшина. Он отпустил заложников...

2-ой вестник. Они ворвались в школы! Избивают юношей! Гибнут надежды народа. Их терзают восставшие против знания. Учителям они угрожают.

3-ий вестник. Они захватили женщин. Влекут их. Насилуют. Если бы вы видели ужас! Они...

4-ый вестник. Они пробили стены Палаты. Захватили кованые сундуки. Похитили священные сосуды. Ломают. Похищают золото и камни.

5-ый вестник. Они волокли за ноги раненых. Они разбивают черепа о перила. Они сбрасывают в воду. Топят камнями. Врачей они убивают.

6-ой вестник. Подожжены лучшие здания. Разрывали изображения. Разбивали лучшие статуи. Книги уничтожали. Выпущены из тюрем все убийцы. Преступники стали во главе избивающих. Кто-то платит им золото. Я сам видел, как сыпали монеты.

7-ой вестник. Кто-то их опьяняет. Они грозят уничтожить знание. Здание Правосудия только что рухнуло. Я видел людей, обременённых добычей. Откуда столько грабителей? Неужели они скрывались здесь, между нами? Худо там, худо...

1-ая старуха. Они изнасиловали моих дочерей. Им всё можно. Говорят: «Старейшины, истребите злодеев!»

2-ая старуха. Мечь грабителям! Они уничтожили целебные составы. Они издевались. Школа моя истреблена. Посмотрите на моих учениц Милосердия! Найдите их, уведенных войсками. Или это всё нужно? Вы мудрецы?!..

3-ья старуха. Или вы обессилели, старейшины? Люди вы или нет? Или грабителей вы послали?

4-ая старуха. Или и вам заплатили золотом? За кровь наших детей?! Где ваше мудрое знание? Вы ослепли?

5-ая старуха. Моего сына тащили обнажённым. По камням тащили. И били! За то, что он был в школе. За то, что учиться хотел. Ваше знание искал. Учителей там задушили арканом.

6-ая старуха. Всех больных волокли по земле. Содрали с них одежды. Бросили их в подвалы укреплений. Неужели вы можете слушать мою весть?

7-ая старуха. Они в храмах плясали. Священнослужителей убили. Хо, хо! Хо, хо! Там весело. Теперь идут вас задушить. Хо-хо! Там весело. Красно там. У вас тут темно. Хо, хо!

7 стариков (*спеша и перебивая друг друга*). Они уничтожили все наши книги. Пропали знаки о новых звездных путях. Изображения камней и толкования, в них заключенные, разорваны. Линии звуков нарушены... всё гибнет...

1-ый земледелец. Всё было спокойно. Мы кончали пашню. Готовились сеять. Вдруг всадник. Кричит: будут искать! Что искать, мы не знали. Будут обыскивать. А там уже идут убийцы. С оружием пришли. Начали убивать всех...

2-ой земледелец. Моим коням глаза выкололи. Овец заперли в хлев и сожгли. Овцы кричали человеческим голосом. Так громко...

3-ий земледелец. Топили в реке зерно. Искали школы, чтобы их уничтожить. Учителя избили до смерти. Бороду вырвали. Дали молиться ему. Ждали. И растерзали потом. Спокойно терзали.

4-ый земледелец. Где помогающие? С трудом я пробрался. Всего оборвали... Куда надо сообщить? Меня прислали просить помощь. Там уже сожгли, может быть! При мне убили священника. Моего соседа, белого, ему сто лет, поймали, избивали. Не давали проститься с семьёю. Глаза выбили. Его сыновьям камни привязали на шею. Бросили... Куда сказать. Кто поможет!.. Научите... Я с ними прошёл... Я ничего не прибавил... Только правду... Соседи знают... Научите ж, куда сказать... Где помогающие?

2-ой старейшина. Видите? Чуете? Поняли? Теперь помогите! Молчащие!

Сумасшедший (*незаметно протолкавшись*). Где же пожар? А у них у всех крылья. Они летают — красные птицы. Я полечу с ними... (*Убегает*.)

Старейшина. Выйдите, старцы. Выйдите, вестники. Надо говорить просто. Так, как для всех. Мы обдумаем спасение знания. Наша скала неприступна. Велики запасы. Кто с нами, собирайтесь на нижнем дворе. И в храме. И по всем переходам. Идите! (*Уходят*). Братья, а вы думайте все. Если бы мы знали, что они хотят насадить новое знание. Но они хотят только разрушить. Они думают, что из разрушения само возникнет новое знание. Глупцы! Мнят, что толпа может творить знание...

2-ой старейшина (*перебивая*). Нет, они ничего не думают. Они идут путём лжи. Им надо только разрушить...

3-ий старейшина. Они одержимы тёмными силами. Но они их не видят! Тёмные сами!

Старейшина (*продолжая*). Но мы знаем, что противостоит их разрушениям. Умереть знание не может. Только народ всё ещё не уверен в бессмертии знания. Бедные! А мы знаем. И потому мы не боимся.

2-ой старейшина (*перебивая*). Но надо остановить ужас. Глупцы уже тронули то, что их уничтожит - Знание! Просветлённое.

6-ой старейшина. Как могли народ обмануть?

8-ой старейшина. Где же мудрость!?

9-ый старейшина. Где благо?

4-ый старейшина. Как же могут быть вождями народа люди, уличённые в преступлениях? Неужели могут вести народ ко благу, которые сами творили зло?

5-ый старейшина. Они поведут ко лжи, они отдадут врагам землю!

Старейшина. Знание...

4-ый старейшина. Или приходит последний час знания?

Старейшина (*перебиваемый шумом*). Для знания нет последнего часа. Братья, мыслите! Вы сомнений не знаете. Нам толпы не страшны. Народный ум помутился. Слышали, и нам кричали, что мы продались. Кому мы можем продаться? Мы, мечтавшие всегда о дубраве! При блеске пожара я говорю о дубраве тишайшей. Но глупцы опять хотят отдалить радость мира. Единство им ненавистно. Для народа должны мы знание сберечь...

2-ой старейшина. Наше знание бессильно. Обернитесь. Смотрите.

7-ой старейшина. А я говорю, отдайте им всё. Пусть возьмут. Тайны им недоступны. Может быть, время пришло. Знание мы унесём. В дубраву уйдём. Или погибнем. Всё равно сохраним. Неужели вы будете с толпой состязаться? Разве для вас страшен огонь пожара? Вас он не опалит. Главное — сохранить знание. Время пришло. Огнём Владыко дохнул.

6-ой и 5-ый старейшины. Время пришло!

8-ой старейшина. Разве мы знаем время? Скрыты сроки! Вижу разрушение. Что-то должно погибнуть. Эти толпы погибнуть должны. Вожди их погибнуть должны. Что мы знаем?

2-ой старейшина. Помните, что в гневе и лицо пророка становилось страшным. Умейте быть грозным.

9-ый старейшина. Брат, ты знаешь, что углубление знания не приходит во лжи и насилии. Свободная мирная воля знание творит. То, что мы видим, не утверждает и не творит. Время еще не пришло.

8-ой старейшина. Что мы знаем о времени? Ничего мы не знаем.

10-ый старейшина (*самый древний, как бы пророчествуя*). Грохочут железом обитые ворота. По каменному полу стучат спешные шаги. От града до града. Спешим. Куда ходим? Кто зовет? Кто пылает? Вы кончили ваши дела? Кричат для молчанья. Горят. А пепел очистит... Близится время.

5-ый старейшина. Я предлагаю открыть плотины и затопить весь город. Волна сметёт безумцев.

6-ой старейшина. Вызовем грозу и ливень.

1-ый старейшина. При смерти множеств погибнут невинные. Нам нужно отразить восставших против знания. Их гибель принять мы можем, но остальных должны мы оберечь.

5-ый старейшина. Кто отличит восставших? Когда мнутятся толпы? Во тьме? В огне?

3-ий старейшина. Время идёт. Надо призвать могучие силы.

4-ый старейшина. Безмолвный глас! Неслышный грохот! Призовите Сурендру Гайятри.

5-ый старейшина. Гайятри ушёл от нас. Он людей уже знает. Он в тихой дубраве. Что заставит его вернуться? Вступить в огонь пожара?

Старейшина. Мы заставим его вернуться. Правда! Знание он защитит. Он откроет новые силы. Он придёт сам.

3-ий старейшина. Силы он призовет. От людей он уже давно удалился. Прояснел его глаз. Его воля чиста.

4-ый старейшина. Правда. Пойдёмте все. Будем молить.

11-тый старейшина. Не попытаться ещё толпу убедить? Объяснить им... Всем нам выйти. Знаменья дать.

Старейшина. Вчера уже отвергли они все соглашения.

2-ой старейшина. Идите к Гайятри. Он скажет, есть ли надежда ещё? Утром мне сообщили, что враг новый поднялся на нас. Этот на кораблях, при ветре попутном уже миновал острова. К нам плывёт, чтобы стадо злодеев усилить.

12-ый старейшина. А наше безумное войско встречаете восторгом врага.

8-ой старейшина. Не говорите так. Не надо так говорить. Это только предатели!

9-ый и 11-ый старейшины. Мы так мало знаем!

4-ый старейшина. Спешите к Гайятри. Кто идёт? Скорее!

Старейшина. Идите вы трое. Вы знаете тайны затворов ворот. К тайнику вы пройдёте. Ходом подземным выйдёте за реку. Там в кряже скалистом у белого круга. Оттуда видны Синие горы. Знаете, Гайятри там, у подножья. В дубраве. Просите. Ведите. Скорей!

3-ий, 5-ый и 6-ой старейшины. Скорей! Скорей! *(Ушли.)*

2-ой старейшина. Хранилища можно было сберечь. Мы время имели. Уже три дня говорили вожди. Только безумец всё лгал. О толпах мы знали. Жидким огнём тогда можно было залить, спалить их. Приблизиться к ним самому. Начать самому. Если кто знает, что он защищает. Тогда знанию ничто не грозило бы. Дайте сказать. Среди огня и паденья скажу. Я говорил и писал вам. О ложном учении предупреждал...

8-ой старейшина. Не укоряй!

Другие. Не надо!

2-ой старейшина. Погодите... Я называл разрушителей. Письма прочтите. Всё, что я говорил, всё сбылось. О подкупах я говорил.

Другие. Не надо!

2-ой старейшина. Нужно знать. О зачатках сборищ вы знали. Вы знали прибивших подкупных убийц. И преступных вы сами сюда допустили. Пленники вы! Знание вы защитить не могли. Дайте, дайте скажу...

За арками — особенный грохот. Взлетают столбы искр. Старейшины спешат к колоннам и застывают, уцепившись за камни.

Все. Рухнуло хранилище книг!.. *(Шёпотом.)* Не унесли свитки... Рухнуло знание... После нас никто уже не упомнит... Рухнуло... Рухнуло... Погребено...

II картина

Дубрава тишайшая. (В зелёном.) Гайятри кормит птиц. На плечах у него — птицы. Проходит путник.

Гайятри. Давно ли видел людей, брат?

Путник. Недавно от них я. Всё у них тихо. Все занимаются делами. Празднуют и торжествуют. Ищут забав. Почему ты ушёл от людей? Как твоё имя?

Гайятри. Я просто лесной. У меня здесь друзья. Их навестить я пришёл.

Путник. Скучно тебе?

Гайятри *(смеясь).* Скучным я не родился. Светел мой праздник с друзьями.

Путник. Друзья твои люди?

Гайятри *(глядит птицу на плече).* Друзей не выдам своих.

Путник. А ты не боишься, что люди тебя позабудут? Уйдут от тебя. Покинут. Слово людей не услышишь.

Гайятри. Люди не уйдут. Улетают птицы. Убегают звери. Не уйдут люди. Придут. Принесут тяготу. Радость ищу я.

Путник. Ты шутник. И весел. А знаешь ли страх?

Гайятри. Не приходилось...

Путник. Знаешь, когда стемнеет в лесу и звери с воем выходят. И змеи вьются на ветках...

Гайятри. А пострашнее ты ничего не придумал?

Путник. Или гроза и вихрь в горах? Это тоже ведь страшно?

Гайятри. Друг, есть вещи страшнее. Если ты любишь бояться. Тебе надо в город спешить. Там много страхов.

Путник. А если убьют?!..

Гайятри. Смотри, тамаринд на тебя упадёт!

Путник (*отскочил*). Где? И который?

Гайятри. Друг, осторожней. Здесь бездонная яма.

Путник (*отскочил*). Ты меня изведёшь.

Гайятри. Друг. Прочно стоят тамаринды. Крепка, как скала, здесь земля. Мирны здесь птицы, и звери здесь ласковы. Страхов здесь не найдешь. В город иди. Там страхи собрались. За спиною стоят. Шепчут через плечо. Дуют на шею.

Бедные люди! Столько страха у них. Столько хлопот им страх доставляет. Бедные!

Путник. Ты шутник! Наговоришь тут. А к вечеру, когда приду в харчевню или на хуторе я заночую, и начнёт казаться. Тебе тут хорошо! (*Проходит.*)

Гайятри (*смеётся вслед*). Не страшно со зверями и боязно за стенами харчевни. Люди! Когда звенят призывные песни птичьи, когда звенит всё нечеловеческое и хранит дубрава звон священный, тогда думаю о людях.

Молитва Гайятри:

Птицы Хома прекрасные. Вы не любите землю.

Вы на землю никогда не опуститесь. Птенцы ваши рождаются в облачных гнездах. Вы ближе к солнцу. Размыслим о нём, сверкающем.

Но Дивы земли чудотворны. На вершинах гор и на дне морей прилежно ищи. Ты найдешь славный камень любви. В сердце своём ищи Вриндаван — обитель любви. Прилежно ищи — и найдешь.

Да проникнет в нас луч ума. Тогда всё подвижное утвердится. Тень станет телом. Дух воздуха возвратится на сушу. Сон в мысль превратится. Мы не будем уносимы бурей. Сдержим крылатых коней утра. Направим порывы вечерних ветров. Слово Твоё — Океан истины.

Кто направляет корабль наш к берегу? Майи, не ужасайтесь. Её непомерную силу и власть мы прейдём.

Слушайте! Слушайте! Вы кончили споры и ссоры?

Вот молитва моя! Порази в корень нищету моего сердца.

Песня, которую должен я спеть, ещё остаётся неспетой.

Ты призвал меня на праздник этого мира, и тем благословенна жизнь моя.

Могу ли я принести Тебе моё безмолвное поклонение,

Мою молитву, которую будешь знать только Ты?

Я пополнию сердце своё Твоим молчанием и претерплю его.

Но придёт солнце и утро, и Твоё слово вознесётся песнею над каждым птичьим гнездом. И Твои напевы расцветут во всех лесных чащах.

В дубраве — призывы.

Гайятри. Уже приходят. Ушла тишина. Благодать ушла. Зовут. Призывают. Отозваться нужно. (*Зовёт.*) Как на зверя — загоном идут.

Перекликаются.

Старейшины. Гайятри! От камней города ушёл ты под сень Араньяни... В благостной тишине ты остался... Тебя мы зовём.

Гайятри. Куда?

Старейшины. Брань воздвиглась. Противу знания безумцы восстали. Они замыслили разбить священный сосуд. Мудрость Нильгири погибнуть должна. Гхат и Кхунда хребты поникнут теперь. Город Гайя погибнет. Фальгу река зарастёт.

Старейшины. Нет средств ужас разбить. Огонь и стрелы. Яд и смертельные громы льются и сверху и снизу. Летят чёрные птицы. Враги заняли город. Школы разбиты. Те, кто стремится к знанию, убиты, замучены.

Старейшины. К тебе приступаем. Люди в беде. Ждём твою помощь. Требуем помощь. Покинуть их ты не можешь.

Старейшины. Забудь благую молитву. Ищи Смертное слово. Смертный глас ты найди. Проси заклатье победы.

Гайятри (*поникнув*). Прощай, Араньяни. Прощай, серебро и золото неба. Прощай, дубрава тишайшая.

Старейшины. Гайятри, наши зовы услышь. Мы к тебе приступили...

Старейшины. Молящиеся, сражающиеся, трудящиеся, служащие! Все ждут тебя, Гайятри. Все просят. Все надеются.

Старейшины. Все гибнут...

Гайятри. Араньяни! Араньяни! Пою я хвалу Араньяни! Матери дикого зверя, благоуханной, пряно-душистой, всех наделяющей пищей...

Старейшины. Не отступим! (*Следуют за Гайятри.*)

III картина

Заклинание на вершине горы. Лилово-синяя. Молния серебряная. Лучи на Гайятри голубые. Небо далёкое. Потом сгущается туча. На вершине круг белых камней. Гайятри ходит внутри круга, бросает стрелы острием наружу и поёт заклатья. Сожигает травы по кругу и поёт второе заклатье. Входит на камень посередине и поёт третье заклатье.

Стоит в молчании, полный сил и воли. Над головой вспыхивают три голубых луча. Гайятри опускается на колени. Всею силою молит.

Гайятри. Лев и лебедь! Орёл и олень! Бык, лев, орёл! Бог земли, Бог звёзд и луны! Бог света и солнца! Индра!

Не дай чёрный век! Истожились силы. Уснул священный алмаз! Не отражает блуждающих духов. Не отвращает врагов.

Дай заклатье на злобу! Дай заклатье на силу! Заговор на победу!

Дай врагов отразить! Скажи слова Нагаима.

Дай силу Екзола. Дай смертное слово! Глаз смертный открой. Якшазы открыли соковища людям. Ракшазы людей возносили. Самьяза, вождь сынов неба, бог-змий и тот учил силе. Азазиель и тот научил оружие ковать. Амазарака и тот открыл тайные силы трав и корней. Они тёмные, злые. Ничтожные. А Ты можешь. Сила в Тебе!

Аллелу! Аллелу! Аллелу!

Ты бесконечный. Ты ведущий. Ты, пришедший в молчании. Не дай погибнуть. Мудростью вершин соверши испытанье. Я неотступен.

Аллелу! Аллелу! Аллелу!

*Сгущается туча. Гайятри остаётся в земном поклоне,
как изваяние. Молния без грома.*

Голос (*сверху*). Не дам тебе ни Екзола, ни Нагаима. Ни против войска, ни для удачи. Не дам тебе Заадотота, ни Аддивата — ни против вражды, ни для отмщенья. Не дам тебе ни Каальдеба, ни Альсибена, ни против злобы — ни для вреда и разрыва. Не дам тебе смертное слово. Смертный глаз не открою. Заклатья все соберу.

Альшиль! Альзелаль! Алальма! Ашмех!

Каальдальбала! Каальда! Кальдебда!

Оставлю! Забуду!

Анакс! Алюксер! Атаия! Атарс!

Покончу! Покину!

Дам другое. Вот имеет отражения силу. Власть никому не откроет. Слушай!

Идёт один. Идёт мирным. Идёт в белой одежде. Идёт без меча.

Всё сделанное тебе на них обратится. Всё желаемое тебе да получат. Зло и добро. Хотящий зло да получит. Хотящий добро - да примет.

Воздастся каждому. Иди. Не медли. Испытание конца я свершу.

Альм! Альм! Альгарфельмурок!

Во время гласа узоры молнии по небу. Серебро по лиловому.

IV картина

Широкий коридор со сводами. Наверху круглые окна. У стен расположился народ. С имуществом. С детьми. Старики лежат. Из глубины потом выходит старейшина. Некоторые работают. Другие лежат.

1-ая женщина. Кладов-то сколько опять захоронено. Будут искать!

Старик. Я, как только услышал, что идут, сейчас сложил монетки в горшочки и закопал... Поставил значки...

2-ая женщина. А кто их найдёт?

Старуха. Сосед наш. Тот сложил золотые в котелок и в озеро опустил. Заметил все камни. Там где-то около Морды...

3-ья женщина. А если вода убудет? На озере? Мужчина. Или зальёт все значки?

2-ой мужчина. Кому эти все клады?

Старик. Как полегчает, так и выроем их. Сами возьмем.

Мужчина. Сами ли?

2-ой старик. Слышали, что корабль, который первым бунт поднял, на скалу налетел. Потонул. Все утонули.

Женщина. Они шли без начальника. Мудрено ли?

2-ой старик. Тут не начальник! Тут перст! Указанье.

Старуха. Мы сами тут на корабле.

Мужчина. На обломках...

Старик. Здесь всё-таки тепло. Мы и не знали, что в скале так много помещений.

Женщина. Мы вообще ничего не знаем. Скоро даже забудем, сколько дней мы здесь затворились. Отрезаны.

Другой старик. А пища хороша. Обильно кормят. Только надолго ли. А потом вдруг перестанут. Да выгонят. Откуда тогда возьмёшь. И не выйти отсюда.

2-ая женщина. К ним пойдёшь.

3-ья женщина. А мне всё кажется, что наши не сумели согласиться. Ещё бы раз поговорить. По-хорошему.

4-ая женщина. Чего там изгонять знание! Да у нас и без того знания мало. Что мы знаем?

5-ая и 6-ая женщины. Ничего мы не знаем.

3-ий старик. Я говорил. Давно говорил, чтобы не напирали так уж на школы. Все учены. В наше время учились меньше, а знали, пожалуй, столько же.

8-ая женщина. И долго ли нас будут здесь держать?

9-ая женщина. Да уж они знают лучше нас.

8-ая женщина. Ты всегда за них.

Старик. И вообще пусть нам скажут.

3-ья женщина. Пусть всё скажут. Мне кажется, они что-то скрывают. Всегда что-то прячут.

10-ая женщина. Они любят таиться.

Мужчина. Зла мы от них не видали.

2-ой мужчина. Всё, что они показали, полезно.

Молодая женщина. И учат они хорошо.

2-ая молодая женщина. Ласково учат. От их учителей дурного слова не услышишь. *(Спрашивает мальчика.)* Хорошо тебе там, в школе?

Мальчик. Хорошо. Ух, хорошо! И объясняют здорово. А тот у нас толстый, такой добрый. И другой, нестриженный...

Старик (*перебивает*). Насчёт ученья всё-таки хорошо. А только мы не знаем ничего.

4-ая и 5-ая женщины (*вместе*). Да-да, не знаем.

Старуха. Надо бы спросить их толком.

Старик. На что у них надежда?

2-ой старик. А то от смерти да в тюрьму попали.

Старуха. Свету-то не видишь.

6-ой старик. А главное, надолго ли? Надолго ли?

Мужчина. Они знают. Не надо мешать им.

3-ий мужчина. Вестники говорят, что ещё очень беспокойно.

4-ый мужчина. Утром говорили, что битва ещё идет. О каких сроках думать?

Старик. Всё ждём. И счёт дням потеряли. Вести всё хуже и хуже. Мы умрём с голода.

Внук (*подросток*). Дедушка, а если нам взять деньги от тех, тогда мы не умрём. Многие взяли их деньги и живут весело. У них песни и пляски. Мне говорили...

Старик. Замолчи. Тут оглупеешь с вами. Тоже сказал: взять деньги. Их деньги жгутся.

Женщина. Многие взяли и не обожглись.

Старик. Но зато мы охраняем знание. Так нам сказали.

Старуха. Оглупел ты со своим знанием.

Старуха. Будем ли мы избавлены от всех разрушавших храмы? Только когда их не будет, можно вздохнуть. А то начнёт подозревать невинных... Не ты? Не ты ли? Не был ли с ними?

Старуха. Нам нужно знать, что их уже больше нет. Не существует.

Старик. Тогда мы успокоимся. Но всё-таки пусть нам скажут.

Старуха. Ведь можем же спросить.

Другой старик. А? Хорошо бы узнать.

6-ая, 7-ая и 8-ая женщины (*вместе*). Правда, спросим?

3-ья старуха. Пошлём кого потолковей.

4-ая старуха. Пусть мужчина этот сходит.

Старик. И я схожу. Узнаем.

Старуха. А то сомнение всё.

Те идут по коридору.

4-ая старуха. Пусть пошли. Тут недолго.

6-ая старуха. Тоже не знаем... Что вышло с нашими? Где они остались? Когда затворялись, не видать их было. Рассеялись! Точно ветром раздуло.

9-ая старуха. Может быть, тоже схоронились где-нибудь.

Старик. Тут такое обширное помещение, что мы не знаем толком, кто здесь собрался! Пускали с разных ворот.

Старуха. Эти наши, хоть и женщины, а тоже воевать собрались. Снарядились. Ворота охраняли.

Мужчина. И охраняли храбро. Такие подобрались расторопные.

10-ая старуха. А как они захватили моего мальчика, потащили, он-то бьётся! Кричит во весь голос. А они-то копьями по головке так и норовят... Продались им наши начальники...

Женщина (*под чёрным покрывалом*). А мой-то! Мой мальчик!

Все (*шепчут*). Не трогайте её... Она поклялась мстить.

Мужчина. Сколько мстителей! Страна содрогнётся от мести.

Старуха. А разве мы забудем? Ещё увидишь, как припомним.

Другой старик. Не забуду!

По коридору идут старейшина и посланные. По пути старейшина останавливается, наклоняется к лежащим, возлагает руки. Все копошатся и двигаются за ним.

Старейшина. Братья! Вы хотели, чтобы я сказал вам. Будьте спокойными. Кто здесь затворился — выйдет спасённым. Приняты меры. Вам здесь не угрожает ничто. Запасы наши велики. Защищены наши входы. Злодеи сюда не проникнут. Вы здесь в обители знания. Помните и теперь и после, всегда: вас защитит только знание.

Старик. А долго ли нам здесь оставаться?

Старейшина. Это не знаю. Вокруг нашей твердыни кипит ещё битва. Конца я не вижу. Но знайте: вас здесь брань не коснется. Отсюда ваш путь только во благо.

10-ая старуха. Ещё позволь поспросить. А будет казнь злодеям? Такая, чтобы земля содрогнулась.

12-ая старуха. Почернели бы горы.

8-ая старуха. На деревьях листья б свернулись.

Старик. Злодеев казните?

Старейшина. Будет суд справедливый. От суда они не уйдут. Всё будет ко благу. *(Уходит.)*

Старик. Слышали, как грозно сказал: «Будет суд!»? Старуха. Там их рассудят!

10-ая старуха. Я бы так рассудила, чтобы по всему свету помнили казнь.

Другой старик. В старину убийцам и грабителям заливали горло свинцом, а перед тем отрубали обе руки.

Женщина. Кормить и гнать. Подлечить и гнать. Чтобы не имели ни минуты покоя.

Мужчина. Чего тут возиться! Отрубить головы.

Старуха. Вот так, просто срубить голову. Что же это за казнь. А вот выдергать их волосёнки, осмолить, обвалить пухом и возить по базару.

Старик. В клетках держать!

2-ой мужчина. Велику клетку надо построить, чтобы вместила убийц.

4-ый старик. Ещё тут с клеткой трудиться. Повесить! Подержать, подержать, да отпустить. Да опять вздернуть!

2-ая молодая женщина. Сколько злобы-то. Злоба-то велика.

6-ая старуха. Нет, слушайте. Вот я скажу: ослепить их. Да вывихнуть руки, так и пустить бродить их по свету. Вспомнят тогда на досуге все свои гадости.

2-ая старуха. Ещё тут кормить их придётся. Будут шляться, канючить... Народ зла долго не помнит, начнут с ними возиться...

Женщина. Только всех объедят. Будут таскаться...

Старик. Мелких преступных пускали с клеймом и без ушей. А всех убийц и злодеев казнили смертью. Скоро казнили. А казнь была по заслуге. Рубили помост. Видный для всех. Палачи на нём и казнили. Народу всегда ходило много...

5-ый старик. Всё началось, когда отменили смертную казнь. Я сразу тогда говорил, что не к добру. Как же человеку без казни прожить?

Старуха. Мы вот все соберёмся, когда будут судить. И подадим прошение. Скажем, чтобы была смертная казнь. Чтобы судили по-Божески, без слабостей человеческих.

4-ый старик. И подадим. Приступим крепко. Так и напишем, как в старину: поднявший меч от меча да погибнет. Так всегда говорили.

3-ья старуха. Справедливо. Весьма справедливо. Напишем и подадим. Приступим крепко.

5-ая, 6-ая и 7-ая старухи (вместе). Неотступно приступим.

8-ой и 9-ый старики. Мы не сдадим.

10-ый, 12-ый и 14-ый старики. Наша воля.

Завеса

У картина

Старейшины

В башне. Огневое освещение. Сидят около стен и работают. Пишут. Чертят. Складывают листы рукописей и изображений. Работают углублённо и спешно.

Женщина-воин (контральто или альт).
Поёт за сценой

Огни на горах зажигайте!
Те, что на нас поднялись,
Назад уже не вернуться.
Жгите светлее огни,
Осветите им путь последний.

После пения — молчание. Шелестят листы свитков.

11-ый старейшина. Тишина-то какая! Ведь мы забыли о ней. Творить. Складывать. Узнавать. Какая радость!

12-ый старейшина. Откуда в народе зверь поднялся? Когда не видишь народа - так к нему тянет. Так хочется учить его. Но и пророк говорил: дурным людям кланяйтесь издали.

2-ой старейшина. А когда вместо человека выходит зверь. И мы не знаем его речи. И он не понимает слов человеческих. Тут уж не близко и не далеко. Просто нет сообщения.

3-ий старейшина. Неужели это всё нужно? Неужели нужны крупницы зла, которых так много разлетелось? Гибельно осядут они на народе. Мы можем уйти. Они ведь не могут уйти...

7-ой старейшина. Надолго, надолго мрак!

8-ой старейшина. Но и звери не грызут друг друга!

10-ый старейшина. Нельзя себе ничего представить. Воображение бессильно. Откуда эта подкупность? Откуда кровожадность? Грабительство откуда? И глупость и мерзость - всё вместе.

2-ой старейшина. И сколько подвигов! Точно ненужных... Сколько героизма и силы проявилось наряду со зверством. И точно ни к чему.

3-ий старейшина. Кто знает. Мы ничего не знаем.

2-ой старейшина. Главное - работайте. В том, что мы делаем сейчас, столько прелести. Всё это не для нас. Нам это всё не нужно. Всё это безымянное передаётся кому-то нам неизвестному. И он никогда не будет знать, какие люди это творили. Была ли у них радость, могли ли чувствовать они горе. Познающий будет считать нас, кто знает, какими мудрецами...

Старейшина. А мы ученики...

4-ый старейшина. Работники без дня, без срока...

5-ый старейшина. Научится когда-нибудь народ работать? В жизни столько облегчений внесено, а всё становится труднее и сложнее. И перед нами непочатая работа. Всё сначала.

3-ий старейшина. Смертельно жаль сокровищ творчества. Уже века они прожили, радость получали - и для того, чтобы погибнуть от тёмных рук. Другие люди, те, что были раньше, - те стражи были лучше. Их сберегли они. А нам досталась судьба предать их черни.

10-ый старейшина. Мы много ужасов ещё не знаем.

8-ой старейшина. Страшной вестей воображение не вмещает. Разграблены сокровища Кремля. И храмы сожжены. И стенопись тончайшая погибла. Нерукотворная резьба смелась незаменимо. Подумайте — незаменимо! Подумайте, как языки огня лизали стены храма. И в пламени испепелялись лики. А нимбы в пламени сияли. Чтобы исчезнуть. Невозможно верить таким вестям.

2-ой старейшина. А тот безумец или глупец ещё писал: сложить все достоинства в кучу. Грабьте. На всех вас хватит. К кому он обращался? Кого он призывал? Безумец старый. Не знал он ничего. Не знал он человека. Не знал путей... Был тёмн дух его...

9-ый старейшина. Вызвать силы может всякий. Заклясть их, обернуть в пределы — на это нужно знание.

8-й старейшина. Разгромлены сокровища Кремля! Ужасно знать!

2-ой старейшина. Ещё страшней, стыдней, что все узнают. Зачем такой народ наш? Нигде я не читал, чтобы народ уничтожал своё всё достояние сам. Чтобы своё могущество рассеял сам.

12-ый старейшина. Всем странам на презренье. Нигде я не читал, нигде народ своими руками не уничтожил достояние своё. И, наконец, своих вождей они схватили и их же мучили. Пытались сжечь. Сварить в котлах хотели.

10-ый старейшина. Безумие. Позорное безумие. Разве это люди?

Старейшина. Перед победой знания всегда возможен бунт дикой черни. Мрак борется со светом. Все бои последние — всегда страшнее! В этом движении учения не ищите. Тут бунт! Грабёж! Захваты! Стремленье личное к обогащению. К власти. Малое знание страшней всего. Доносят нам, что вожаки восставших уже в бессилии стремятся скрыться, уйти от власти.

2-ой старейшина. Какая власть, когда и хлеба они достать не могут. Опять мы хлеб достанем. Чем заменить его, мы знаем. Лишь бы не замерла душа народа. Её восстановить задача долгая. Чтобы учение тела не взяло верх над духом... (*работают*).

Старейшина. Опять мы за работой. Точно ничто не случилось. Дни безумия уже кажутся далёкими. Их отделяет от нас воскрешаемое знание. Кое-что мы успели записать. И сохранить. Наши тайники никому не известны. Подземные ходы стали сказкою. Уже давно не живут построившие их.

2-ой старейшина. Но о ходах всё ещё говорят.

Старейшина. Говорят, но ничего не знают. Остались молва, сказки. Но найти их ещё нельзя. Сквозь эти скалы ни глаз, ни рука, ни сердце ещё не проникнет. Ещё нужны тайны.

8-ой старейшина. Мне напомнила наша работа, как мы и ещё те, которых нет с нами, так же трудились, когда кончали наш главный тайник.

3-ий старейшина. Многое, что мы опять подтверждаем, уже внесено в тайники.

2-ой старейшина. Наверно! Но лучше подтвердить. И потом в этой работе время идёт незаметно.

10-ый старейшина. Я утратил состав лучей для знаков Урану. Те, что для Сатурна, недостаточно сильны.

12-ый старейшина. Не забудь о Кассиагене.

Старейшина. Сколько ещё записать необходимо. Конечно, жаль Александрийские свитки, но содержание их нам известно. А формулы в них неточными бывали. Не знаем, которым из списков мы владели.

7-ой старейшина. Я записал последнее пророчество. Так ли помню его: «Слушайте, гнушающиеся правосудием и искривляющие всё прямое, созидающие горю кровью и царство преступлением. Там, где судят за подарки, и поучают за плату, и порицают за деньги. За вас дома будут распаханы плугом, и гора храма станет лесистым холмом. Выйдет чудовище. И наполнит город. И пожрёт самое себя».

Старейшина. Последнее иначе: «И возникнет чудовище. И наполнит землю! И воздаст себе!» Пророк так говорил. Но время пророчества установить трудно. Думается, что оно к безумию нашему...

5-ый старейшина. Как знать! Мы ничего не знаем.

2-ой старейшина. Ведь это было последним указанием. После него Пророк удалился.

8-ой старейшина. Ничего равного нашему безумию нигде не возникало теперь.

10-ый старейшина. А это старое пророчество. Помните? (*Находит список и читает.*) «Близок день, близок — и весьма поспешает. Горько возопиет тогда и самый храбрый. День гнева,— день тот, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного клича против всех укрепленных городов и всех высоких башен. И стесню я людей, и приведу их в трепет, и они будут ходить, как слепые, потому что они согрешили, и разметана будет кровь их, как прах, и плоть их — как помёт. Ни серебро их, ни золото их не спасёт их в день гнева, и огнём пожрана будет вся эта земля, ибо смерть и истребление свершится над всеми жителями земли».

Не к нам оно?

3-ий и 2-ой старейшины. Кто знает!.. Это давнее.

Старейшина. И всегда будут повторять его. Ещё непрочно знание. И ещё много раз отступит оно от мира. И бесчисленно раз предаст мир знание. Укрепим тайники наши и утвердим сокрытые ходы. Они ещё нужны. Ещё долго нужны.

3-ий старейшина. Исчезнет всё, разбираемое нами. Испепелятся листы. Камень прочнее всего. На каменных плитах надо запечатлеть знание и раскидать по вершинам. Или сложить в тайниках храма...

5-ый старейшина. Всё тайники. А когда же праздник знания? Когда можно будет доверить знание людям?

2-ой старейшина. И будет, когда наследие наше вынесут всенародно и безопасно для знания!

3-ий старейшина. Как знать? Мы ничего не знаем.

8-ой старейшина. Будет всё-таки... Будет свет... Будет радость. И наша страна не погибнет!

Вносят вождя.

7-ой старейшина. Вот и ещё нам защитник. Последний защитник.

Врач (старейшине). Остриё я не вынул. Это продлило на минуту жизнь его. Он хотел вас увидеть.

Вождь. Там ослабели. Стрелки за башней остались. Камнеметатель разрушен. Спросите. Кажется, жидкий огонь на исходе. В ворота «Гоненья» впустите всех меченосцев. С ними немного лучников еще оставалось. И затворите ворота. И сдвиньте скалу. Сюда не взойдут. Не выйдем и мы. Впрочем, я уже ухожу. Меченосцев хвалите. Такую защиту вы никогда не имели. Мне трудно. Наложите руки. Легче. Отгоните. Или не успею сказать. У верхних зубцов хранился жидкий огонь. Сверху можете лить. Если бы тот не солгал. Если бы пленных не отпустил, всё было бы иначе. Я ведь не хотел... Я говорил... Вы знали...

Старейшина (возлагает руку). Брат, мы знаем. Ты идёшь героем. Ты приготовил себе путь славный. А здесь? Никто не живёт вечно, брат, и ничто не длится долго. Помни это и радуйся. Знание драгоценно для нас, потому что никогда не достанет у нас времени им овладеть. Всё завершается в вечных небесах. Но земные цветы мечты вечно цветут. Брат, помни это и радуйся... Он радуется уже не с нами. Героя в храм отнесите.

Всё будет так, как должно быть.

Старейшина. Всё будет так, как должно быть. Опять ждём мы. Не будет со-
глашения. Мы будем долго отрезаны. Разве нет у нас очага? И кто ожидает возврат
наш? Очага, услаждённого ласковыми заботами? И свет очага погас ради знания.

10-ый старейшина. Мы мало знаем.

7-ой старейшина. Ничего мы не знаем. Мы ещё не умеем исчезать. Мы не
имеем смертного глаза.

3-ий старейшина. Мы ещё не можем строить словом. Сдвигать жезлом гро-
мады и скалы.

Старейшина. Но вы уже знаете, что это всё бывает. Разве это не знание? Ме-
шала вам боязливость. Мешала приверженность толпе и земле. Но всё-таки и вы уже
можете распознавать содержание земной глубины. Вы творите пищу. Вы уже куёте
ковкое стекло. Вы уже знаете омываемые огнем несгораемые одежды... Вы сносите-
сь с планетами... Многое, что уже знаете. Могли бы знать уже несравненно больше.

11-ый старейшина. И как далеки будут для каких-то неведомых нам людей
все наши мысли и беспокойства.

Самый древний (бормочет). Агламид, повелитель змия, Артан, Арион, слы-
шите вы?.. Лев пустынного поля... Сгинь, пропади, лихой...

Старейшина. Зачем зря повторяет? То, что имеет иное значение?

8-ой старейшина. Нам надо пытаться. А если Гайятри не придёт? Его не
найдут? Если он удалился в пустыню? Или скрылся в камне? Надо пытаться. Надо са-
мым призывать силы. Кроме нашего знания, мы не знаем много.

3-ий, 4-ый и 9-ый старейшины. Не знаем. Не знаем.

2-ой старейшина. И всё-таки что-то уже близко.

3-ий старейшина. Началось, когда из жизни ушла тишина.

11-ый старейшина. Но можно ли было думать, что опять в жизнь войдёт
разрушенье?

12-ый старейшина. Если уничтожались древние царства, если стирались
города до земли? То отчего не могло опять придти разрушенье? Знание ещё не со-
вершенно.

2-ой старейшина. И потом, эти чужие. Зачем пришедшие? Знание они всегда
презирали. Их наука была так бедна и ничтожна. Дальше ничтожных границ тела они
не пытались идти. А зло несовершенства породило уродство.

Старейшина. С высокой ступени сверглось человечество. Когда поднимется
вновь?

2-ой старейшина. Чем поднимется?

3-ий старейшина. Кто остановит безумство?

12-ый старейшина. Пути в пророчествах. Трудно понять их. Но теперь по-
няли мы, о чём сказано было: и возникнет чудовище! И наполнит землю! И воздаст
себе! Так? Что это значит? И воздаст себе.

2-ой старейшина. И всё-таки что-то уж близко. *(Слушает.)*

3-ий старейшина. Надо открыть окно.

Старейшина. Не открывайте. При огне соединим наши желания. Сделаем
круг. Сомкнитесь. Желайте. Если мы, умертвив желания, все пожелаем сразу, это со-
здаст чудную силу.

В башне вихрь колеблет пламя. Стук в дверь.

Старейшина. Надо спросить...

Женщина (вооруженная). Чудо! Чудо! Откройте!

Старейшина. Кто пришёл? Войди!

Женщина. Чудо! С башни Духа заметили мы странное. Какая-то весть обежала
врагов. И смутила. К бою прибрались они. Ожидали. Но от нас отвернулись. Вдали уже
бой разгорелся. Мы слышали рёв. Камнеёты гремели. Целые полчища выли. Кому-то
грозили. И устремлялись куда-то. От близости чуда мы трепетали. И ждали. И вот за-
мечаем. Идёт там один. Идёт мирным. Идёт в белой одежде. Идёт без меча.

Старейшины. Что случилось?

Женщина. Идёт. Идёт белый и тихий. Без копья и меча. Без зла и угрозы.

Старейшины. Что случилось?

Женщина. Пустили враги в него стрелы, натёртые ядом. И стрелы обратились, их самих поразили. Другие метнули копья в него. И упали пронзёнными. Ядом плеснули — и попадали в корчах.

Старейшины. Что случилось!

Женщина. Пустили жидкий огонь — и вспыхнули все. Полчища гибнут своєю рукою. Злобою дух преисполнен. Местью сердце раздулось.

Старейшины. Что случилось!

Женщина. Рушат и жгут. Отравили озёра и реки. Бросили огненный дождь. Прокричали проклятья. Горят и тонут. В корчах чернеют. Режут и душат сами себя.

Старейшины. Что случилось! Забыли добро. Добрый глаз затемнили. Вот случилось!

Женщина. Гибнут безумные. Силой врагов проходит он город. Прошёл селенья, врата и мосты. Гибнут безумцы. Он стоит. Велико его знание. Он близко. Идите. Встречайте.

2-ой старейшина. Пришло!

Старейшина. Зло замолчало. Он - Гайятри - пришёл.

Спешат.

Завеса.

VI картина

Заключённые

Подземелье. Сине-зелёное. На первом плане силуэты многочисленных узников. Звяканье цепей. Сзади мутно-зеленоватая стена. Через неё потом появляется Гайятри.

1-ый осуждённый. Один человек противу всех пошёл.

2-ой осуждённый. Сила у него. Если бы ему на пути попались, не были бы мы здесь.

3-ий осуждённый. И здесь нас не помилуют. Вот увидите. Придумают что-нибудь.

4-ый осуждённый. На рудники пошлют. Девятым осуждённый. А мы убежим.

5-ый осуждённый. Всякий надеется убежать. В этом сила. Только без головы ноги не побегут. А голову-то нам снимут. Не убежать!

6-ой осуждённый. Снимут голову! Ох снимут!

2-ой осуждённый. К диаволу этого колдуна. Испортил всё дело. Власть была за нами. Всё было наше. Имущества были наши.

8-ой осуждённый. Наши – да не совсем. Старейшины да иноземцы нас не признали.

6-ой осуждённый. К диаволу иноземцев. Нам на них не жениться. А вот, нам головы срубят.

4-ый осуждённый. Всё бы дал, чтобы утечь, убежать. Спрятаться да пересидеть где-нибудь. Вид изменить.

10-ый осуждённый. Боюсь смерти! Всегда боялся.

2-ой осуждённый. Когда чужое стащил, небось не боялся смерти.

3-ий осуждённый. Если кто вызволит, поклонюсь земно.

6-ой осуждённый. Всё отдам! Обещаю уйти далеко. Правда, уйду! Диавол с ним! Пусть остаются, лишь бы отпустили.

10-ый осуждённый. Только не отпустят.

Все. *(глухо)*. Не отпустят.

Гайятри *(появляется через стену)*. Хотите, чтобы вас здесь не казнили?

Осуждённые *(шепчут)*. Он, он! Осторожней!

3-ий осуждённый. Господин, просим тебя нас избавить и помиловать.

Все. Помилуй от казни.

6-ой осуждённый. В могуществе своём пощади нас.

8-ой осуждённый. Только бы нас отпустили живыми.

1-ый осуждённый. Если не избежать рудников, это ничего. Мы отработаем.

Гайятри. И убежим. Думаешь ты.

Все. Мысли знает... Осторожней.

Гайятри. Как мыслить осторожней? Зло скроете в словах, но в мыслях зло явно. От казни здесь освободить могу вас. Если вы это хотите сами. Если вы решили просить об этом. Скажите.

Все. Господин, мы просим. Смиренно просим. Очень смиренно просим. Убереги от казни. Помилуй. Только бы нас отпустили. А мы уйдем. Поклянемся. На чём хочешь поклянемся. Ты будь спокоен.

Гайятри. Я слышу. Вашу просьбу я исполню. От казни здесь я вас освобождаю. Сказал я. Но только здесь. Казнь здесь вас минет. Так решено, если сами вы захотели. Вольным путём идёте вы. Теперь я покажу вам, что увидеть вам нужно.

Показывает картины, выступающие на стене.

Осуждённые. Кто эти прокажённые? У них обнажились кости. У них отваливаются члены.

Гайятри. Это вы!

Осуждённые. Их кормит девушка, так чисто одета. Она из знатных.

Гайятри. Вы её замучили теперь...

Осуждённые. Какие страшные слепцы. Голодные. Они грызут кость. Отняли у собаки.

Гайятри. Это вы!

Осуждённые. Смотрите, тонут. И ледяные волны. За лёд схватились. Коченеют. Лица страшны.

Гайятри. Это вы!

Осуждённые. Один схватился. Кажется, спасётся.

Гайятри. Он тоже согрешил, но был убит. Его судьба не так жестока.

Осуждённые. Волки разрывают человека. Глаза вырвали. А жив он. Изгрызли ноги. В грудь впились. Другому перегрызают горло.

Гайятри. И это вы!

Осуждённые. Мальчишки гонят человека. Бросают камни. Голову пробили. Подшибли ногу.

Гайятри. Он из вас!

Осуждённые. Мятажные полки на копья подымают. В ров бросили. Живых. Друг друга давят. Шевелятся, как черви.

Гайятри. И это вы!

Осуждённые. Сгоревшие в пожаре! Отравленные ядом! Бесконечные муки! Смотреть нельзя. Не надо.

Гайятри. Вы многого не знаете ещё, что вам грозит. Определено вам. И неизбежно. Вы слышите: для вас всё это неизбежно. Эти ваши цепи вы сковали крепко. Ничто их не разрушит. Я показал судьбу вам. Вы просили избавить вас от казни. Я обещал вам. От казни вас избавил. Чтобы свою судьбу вы претворили в жизнь.

Осуждённые. Погоди, не уходи теперь. Ведь ты утрашал нас. Мы знаем, что ты утрашал. И утрашил. Страшно стало. Ведь мы можем изменить судьбу. Мы убьём друг друга.

Гайятри. Судьбу измените вы! Ухудшите её! И новые века страданий вы призовёте. Подумайте: века! Тысячелетия! Необъяснимые страдания, без выхода, без об-

легченья. Без оправданья! Вы будете искать спасения, не помня, что закрыли путь к нему вы сами, только сами. Строители несчастные! А изливать вы будете печали и жалобы на всех. Вы созданы свободными. Вы сами куёте каждый шаг. Вы кузнецы! Себе сковали цепи! *(Исчезает.)*

Подземелье темнеет. Осуждённые воют.

VII картина

Суд

Портик перед площадью. Яркое утро. Небо золотое. Богатое. Вдали вершины башен. Золотятся. Внизу, на площади, невидимый народ. Чуть видны руки осуждённых в цепях, когда они их поднимают. Видны острия копий и знамёна. По сторонам сидят старейшины. Снизу, с площади, всходят выборные цехов.

Писец *(оканчивая чтение акта).* ... народному суду повинны. Казнь изберут по голосам от цехов избранные. Если повелит голос избранных помиловать преступных — так будет. Если изберут род казни через лишение жизни — и это будет.

Старейшина *(страже).* Скажите, пусть выйдут цехи.

Стражник *(сходит с лестницы).* Идите. Кто выборные. Судить идите.

Слышны звуки рогов. По лестнице поднимаются выборные. Каждый цех отдельно, со значком. Становятся посередине.

Старейшина. Пусть совершится суд человеческий. Вы помните слова пророка: «Мне отмщение, воздам я». И помните, что жизнь дана не нами. Мы даём лишь тело. И прекращает жизнь сам рок, в его законах слепо наше зренье. Его велений не уловит слух. Мы обещали вам предоставить суд. Возможность эту теперь мы вам вручили по вашей просьбе неотступной. Судите.

1-ый выборный. Такого преступленья никто из нас не помнил и не знал. На этот раз считаем мы необходимым воздвигнуть казнь смертную. Чтоб помнили её. Чтоб поколенья наши знали, что есть гнев народа. Приговорили мы преступных четвертовать. Рубить сначала руки, затем уж ноги. Проколоть язык и голову срубить. *(Подает старейшине лист и отходит.)*

2-ой выборный. Поручено мне передать наш голос, постановивший злодеев по базарам всем прогнать плетью. Потом по городам повесить и месяц не снимать. Такое наше слово.

3-ий выборный *(священник).* Помыслили в собраньи мы: изгнать злодеев, а буде кто вернётся — тогда лишить уж жизни.

Внизу недовольство народа.

4-ая выборная. Мы поклялись им отомстить. Должны вы их клеймить клеймом позорным и нам отдать на полный произвол. Или заставим их работать за убитых, или вольны предать их смерти. А смерть мы изберём.

5-ый выборный. Казнь наименьшая — лишение головы. Но, помня о злодейском преступленьи, постановили мы усилить казнь. Послать на рудники на время, не меньше трех лет. Чтобы тягчайшая работа производилась не меньше двадцати часов подряд. Но чтобы жизнь не прекращалась. А там уж после срока работ казнить лишением головы.

6-ой выборный. Мы избрали короче казнь. На барках всех вывезти далеко в море и утопить.

7-ой выборный. Избить плетью и головы срубить. Но перед тем их выставить народу, чтоб гнев народный мог излиться.

8-ой выборный. Всегда мы были против казни, но на этот раз решили казнь возобновить. Род казни пусть выберут старейшины.

9-ый выборный. Род казни нам безразличен, но требуем казнь смертную.

Гайятри (*появляется впереди выборных, весь в белой одежде*). Остановитесь, мечтавшие о казнях. Я победил, и мне принадлежит назначить казнь. Велико преступление. Казнь должна быть велика. Ваши казни ничтожны. И кратки. Я наложу казнь жесточайшую. Перед ней все ваши измышления погаснут. Противу знания преступление тяжко. После него молчит милосердие. Вот! Пусть живут те. Цепи с них снимите. На свободу отпустить. Они уже сковали судьбу свою. И знают, что их ожидает. Вы знайте одно: их жизнь берегите. Всякое лишение жизни улучшит их судьбу. А если помыслят себя убить, тем хуже им...

Народ. Он отпустил злодеев! Как знать? Он знает. Он победил. Мы не можем. Он сильный.

Гайятри. Я победитель. Казнь я назначаю. Я избрал жесточайшую казнь. Не будем противиться их жизни. (*Громче.*) Вы там! Вы останетесь живы! Вас никто не тронет. Всё, что сковали вы, исполнится теперь. Снимите цепи. Стража! Снимите. Сюда несите цепи. Цепи людей не нужны.

Внизу снимают цепи. Груды цепей вносят и складывают на полу.

Лучи солнца проходят по Гайятри.

Стражник. Злодеи просят тебя!

Гайятри. Пусть! Я знаю.

Преступники (*вздывают руки*). Гайятри, казни нас. Так нельзя. Мы боимся. Всё это к нам приходит. Ночью приходит. Каждую ночь мы не спим. Открыть глаза боимся. Убитые стоят. И шепчут что-то. Не знаем, что делать. Пусть возьмут головы. Ты знаешь. Ты показал нам...

Гайятри. К вам не выйду. Меня не найдете. Будете жить. В страхе или смятении. И смятём следы их шагов.

Преступники воют. Народ шелестит шёпотом.

Гайятри (*народу*). А вы пойдёте мирно. Будете трудиться. Будете слагать свою судьбу. Домохозяйева, послушайте! Вам очень трудно быть праведными. Препятствия во всём. Вы знаете их хорошо: болезни, горе, бедность и несогласия в домах! Но люди иногда должны уединяться, жить в одиночестве, бороться изо всех сил, чтобы постигнуть Духа. Иногда полезно ненадолго оставить дом, ответственность, тревогу и заботу. Не быть среди людей и о делах, так нужных миру, не думать. Жить одному или увидеть окрепшего, святого человека. Ищите подвиг. Работать научитесь. Признайте единую власть знания. Власть светлую, ведущую без страха и ужаса. Учитель есть. Бог есть! Творящий Дух. Во всём умеете узнать его блестящий облик.

(*Тише.*) Думайте. Углубитесь. Когда я шёл сюда, никто добром и не помыслил. Сколько притворства. Крался согбенный старик и пытался кинжалом ударить. Прекрасная женщина молила остановиться, для того чтобы ядом плеснуть. Юноша казался больным, чтобы метнуть копье. Тогда они уже догадались, что их удары безвредны для меня. Но всё же пытались. Обострили свою всю силу на вред мне. И ни одной попытки добра. (*Задумывается.*)

Осуждённые. Казни!

Гайятри. Нет, будете жить. Ваши вожди уже истреблены. Они истребили сами себя. Они не нашли в себе благой силы. А вы, что в темноте с ними встали, - будете жить. И будете - помнить. И будете - знать.

Осуждённые. Казни! (*Воят.*)

Гайятри. Нет!
Осуждённые. Казни!
Гайятри. Нет.

Осуждённые воют.

Гайятри. Когда сердце начнёт ожесточаться, ты, Знающий, повели облаку благодати низко спуститься с вершины.

Старейшины встанут и воздевают руки.

Дай силу высоко вознести дух над уловками жизни.
Дай не преклонить колени перед дерзким владычеством.
Когда желание ослепит дух ложью и прахом, приди, Бодрствующий, молнией и громом. Пошли Твою бурю, полную ужаса и смерти, если так угодно Тебе, и мечами молнии потряси мир от края до края.
Слушай, Слышащий. Молю. Источник слов моих знаешь.
«Где мудрость страха не знает.
Где мир не размельчён ничтожными домашними стенами.
Где знание свободно. Где слова исходят из правды.
Где вечно стремление к совершенству. Где Ты приводишь разум к священному единству.
Там дай проснуться, моей Родине».

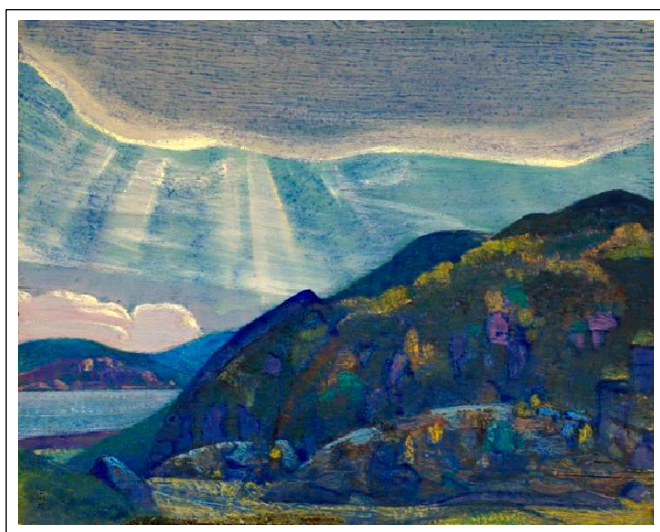
Солнцу.

Как увидим Твой лик? Всё сияет светом Его. В темноте сверкают крупички Твоего сияния. И в моих закрытых глазах брезжит чудесный Твой свет.

Конец

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Рукопись.

«И в моих закрытых глазах брезжит чудесный Твой свет...»

Н.К. Рерих. Карельская сюита. Солнце за облаком. 1917-1918.

[Ноябрь 1917 г.]

Письмо Н.П. Химоны к Рериху Н. К. (фрагмент)

«...Рассчитывать на поддержку со стороны других членов Комитета, каковы Фену, Галецкий, Типольт, не приходится, т. к. политические события их, видно, сильно поглощают и им не до нашего дела. Фену, напр[имер], сильно угнетён ещё и семейными обстоятельствами - у него дочь очень больна.

Относительно Школы в данный момент могу сказать, что дела пошли, было, хорошо, с учащимися наладились самые хорошие отношения, внесших плату в 60 р. было больше 100 человек и каждый день прибавлялось, но последние события (26-27 окт.) резко изменили дело. Занятия идут, но учащихся мало - особенно учениц, видно, боятся выходить на улицу. Хотя теперь на улицах стрельбы уже нет, но нельзя поручиться, что вдруг не попадёшь под выстрелы, ибо ликвидация вряд ли скоро совершится. Сегодня, напр., говорили, что из районов Балтийского и Варшавского вокзалов выселяют жителей, очевидно, готовится бой с приближающимися Правительственными войсками. Что будет? Один Бог Знает. Устали, измучились все. Вот приблизительная картина нашего существования.

Бодришь, дорогой, и с свежими силами приезжай, как только можно будет. Поклон Тебе от всех.

Ольга Ал[ександровна] и я шлём Вам наилучшие пожелания всего хорошего, так необходимые в данный момент. Целую Тебя.

Твой Н. Химона

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма. Без начала. Без даты.

[6 ноября 1917]

Письмо А. М. Арбенина к Н. К. Рериху

Е. В. Р. [Его Высокородию]
Господину Николаю Константиновичу Рерих.
Сердоболь. Sortavala.
Ktimmela, дом Genetz.
N. Roerich.

М[илостивый] Г[осударь].

Комитет «Мир Искусства» сим извещает, что открытие очередной выставки в Москве состоится 26-го Декабря с. г., в помещ. Художественного Салона. Б. Дмитровка, 11. Обязательство доставки произведений, ввиду отсутствия транспорта, комитетом о-ва снято.

Сведения для каталога просят сообщить не позже 15-го Ноября К. В. Кандаурову, Б. Дмитровка, 9, кв. 41.

Уполномоченный Комитета

А. Арбенин

Пометка Н.К. Рериха:

Получено 14 ноября.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Типографское извещение с рукописными вставками на бланке Комитета «Мира искусства». Наклеены 2 марки. Штамп военной цензуры.

На штемпелях даты: Петроград. 06.11.1917. // Сортавала. 26.11.1917.

[1917] Сердоболь
Открытое письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову

Петроград. Морская, 38.
Общество Поощрения Художеств.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] Михайлович]. Письмо Ваше 21-го получил. Верно, скоро получите мои письма. Буду ждать кого-либо от Школы, ибо я предусматриваю одну версию, чтобы преподаватели не остались совсем без содержания. Думаю, что эта временная мера для Общества приемлема. О возрождении литографии я настолько думал, что включил эту статью даже в смету. (Поставил расходы по приглашению художников для лит[ографических] раб[от]) Всё можно делать, лишь бы явилась общая возможность к этому. Пишу открытку, ибо получил сведения, что цензура марает мои письма. Попросите Ростиславова торопить Руманова. Отчего Ст[епан] Петр[ович] молчит?

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 16-16об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе неразборчив.

11 ноября 1917 г. Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П., Степанову И.М.

Дорогие Степан Петрович, Иван Михайлович.

Пишу третье письмо. Получили ли мои два? Ко мне доходят обрывки писем. Видимо, многое теряется.

Подавляет меня происходящее. Когда мы узнали, что народ сам уничтожает своё достояние, что сокровища Москвы и Зимнего Дворца истребляются, у меня начались, ко всему прочему, боли и удушье в аорте. Всё-таки творения искусства, творения духа человеческого - ближе всего. Их - не могут касаться тёмные руки. Серов - валяется на площади! Пробит Успенский Собор! Для чего же творить? Для чего учить народ творчеству? Мы, работавшие для свободы, мы, писавшие за искусство, - что мы должны чувствовать? Ведь это больно! Ведь можно с ума сойти! Чтобы самим уничтожить своё достояние духа! Уничтожить радость духа, которою так нищ народ наш!

Как вы там? Как здоровье, силы? Ваши письма я получил сегодня - 11 ноября - письма от 23, 24 октября.

Конечно, сейчас принимать какие-либо решения нельзя. Что мы знаем?

Проект Школы почти готов. Из него выкроить истину всегда можно. Но он для мирного народовластия, а не для войны.

Законопроекты сейчас тоже не у места.

Прошу, передайте Ростиславову, что я прошу его торопить дело наследства Крачковского. Кроме того, думаю, надо перенести Школьный Музей Рус[ской] живописи из Библиотеки в мою квартиру. В Библиотеке, верно, топят мало - там сыро и окна не защищены - на улицу. Хорошо бы и некоторые особо редкие издания тоже туда перенести. Моё помещение принадлежит Обществу. Семья этот год не приедет. Я же могу быть у брата. Пошлю Вам об этом телеграмму.

Проезд сейчас очень затруднён. У нас тоже не всё ладно. Подавляет и де-нежное положение Общества. Оно подобно положению всей России. Господи, сохрани страну нашу и народ наш. Просвети его свободой. Научи его понять, что есть *великая свобода*. И братство!

Пишите мне. Две недели мы не имели никаких вестей. Кроме того, и Финская забастовка! Без вестей так тяжело, а дойдут вести - задыхаешься от них.

Обнимаю Вас крепко.

Искренно Ваш

Н. Рерих

11 Ноября 1917.

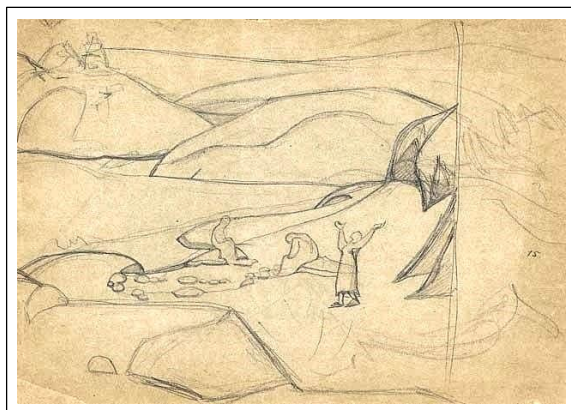
Отдел рукописей ГРМ. Ф. 71, д. 57, л. 9-10 об. Автограф письма.

Стихи Н.К. Рериха

ОТКРОЙ

У тебя на полках по стенам
Многие склянки стояли.
Разноцветны они. Закрыты
Все бережливо. Иные обёрнуты
Плотно, чтобы свет не проник.
Что в них – не знаю.
Но их сурово хранишь.
Оставшись один, по ночам
Огни у себя зажигаешь, и новый
состав ты творишь.
Знаешь, чему полезны составы.
Помощь твоя мне нужна.
В твои составы я верю.
Который мне будет -
Полезен, тот сейчас и
Открой.

1917

Н.К. Рерих. Молитва. 1917.

[11 ноября 1917 г.] Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М., Яремичу С.П.

Срочно.
Петроград. Морская, 38, Общество Поощрения.
Секретарю Степанову, Яремичу.

Прошу перенести школьный музей русской живописи из сырого помещения библиотеки в квартиру директора, пусть[ь] она продолжит музей. Посылаю письмо. Просите Ростиславова торопить дело Крачковского.

Попечитель-Директор

Центральный государственный исторический архив. СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 31. Телеграмма из Сердоболя.

[12 ноября 1917 г.] Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград.
Морская, 38.
Общество Поощрения.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] Михайлович] Сейчас получил Ваше письмо с повесткой. Буду ждать вестей о собрании. Повестку я получил в 7 час. веч. 12-го — после собрания. Всё медленно идёт очень. Очень интересуюсь, что было. Рад был слышать, что несмотря на события на постоянной] выст[авке] - такая хорошая продажа! Прямо изумительно. Конечно, сейчас передавать в Министерство нельзя - там работа ненормально идёт. Кроме того, нужно особенно подчеркнуть, что мы хотим иметь Школу нашего типа, а не общеминистерского. Проект у меня готов. Надо переписать. И смета есть. Отчего С[тепан] Щетрови[ч] не пишет? Привет ему.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 13-13об. Автограф открытого письма.

14 ноября 1917 г. Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская, 38.
Общество Поощрения.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Ив[ан] Михайлович]. С нетерпением жду результатов Собрания. Как же мой проект? Для Министерской Школы он мало пригоден. Что полагает

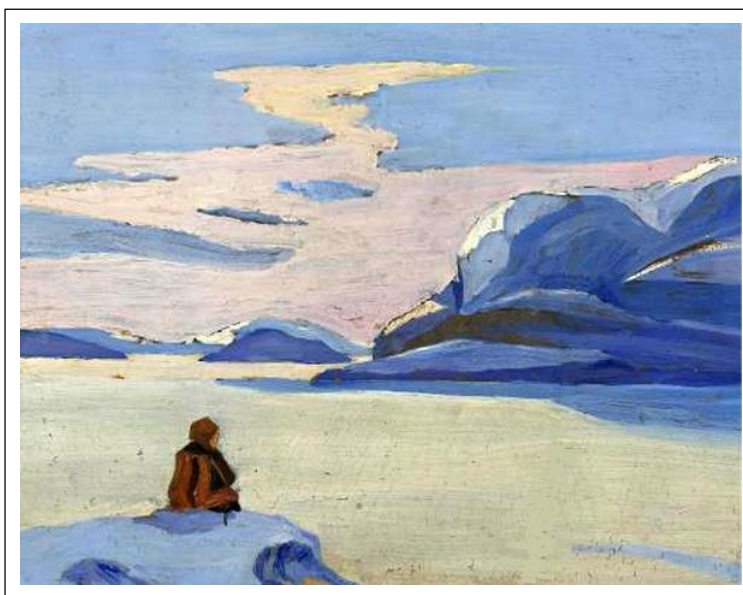
Педагогический Совет и Н. П. Химона, меня заменяющий? Кто, кроме Вас и Химоны, подписал заявление? Нельзя ли попросить Н. П. Химону ко мне приехать. Если Комитет попросит, он согласится, может быть. Если не так спешно, я передам ему мой проект. Преданный Вам

Н. Рерих

14 Ноября.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 14-14об. Автограф открытого письма.

«Каждый день жду вестей...»

Н.К. Рерих. Ожидание. 1917.

[Ноябрь 1917 г.] Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Дорогой Иван Михайлович,
посылаю письмо Комитету. Ответ прошу срочно телеграфировать, ибо письма идут нескончаемо долго. Цензура! Мои сведения об Обществе прекратились 6 Ноября. Писем после 6 не было, и я ничего не знаю о Собрании 12-го. А ведь за это время день за год идёт. Думаю, что задерживать мой проект нельзя. Послать его почтой, без словесных указаний, тоже нельзя. Здоровье то лучше, то хуже, а в Петрограде лечиться чистым воздухом тоже нельзя. А без здоровья и работать нельзя. Сегодня у нас опять прекратились газеты. Так тяжело без вестей! Каждый день жду вестей. Привет Ст[епану] Петровичу]. Если Химона или Боря поедут - Пётр достанет им разрешение.

Ваш НР.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 25-25об.

15 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К.

15/XI. 1917.

Дорогой Николай Константинович

Вот как решено дело о Школе в Общем собрании 12 Ноября: 1) Войти с ходатайством в М-во Торговли и Промышленности о ежегодной субсидии на содержание Школы до 200 000¹ руб. с тем, что если Министерство признает при этих условиях необходимым принять Школу, временно, в своё ведение, изъяснить на это согласие; 2) за недостатком средств прекратить с 1 Января 1918 г. расходы из средств Общества на содержание и 3) получаемые ныне субсидии использовать на поддержание мастерских при Школе. К этому постановлению подали особое мнение Хренов, Н. П. Химона и А. А. Рылов, находя, что средства нужно найти посредством залога дома, и это понятно, но меня удивляет, что такого же мнения держится и Борис Константинович. — Мне кажется, что нельзя заложить дом Общества Поощрения Художеств, также как нельзя заложить Академию Художеств, Музей Александра III, Исаакиевский и Казанский Соборы и др. Я не уверен, возможно ли это сделать формально, да я и не собирался наводить эти справки, т. к. мне не пришлось бы приводить такое постановление, если бы оно и состоялось.

Твёрдые в этом отношении мнения собранию высказали Е. Н. Фену, В. А. Щавинский и С. П. Яремич².

Телеграмму Вашу о музее получили; музей Ст[епан] Петрович завтра намерен перенести; что же касается духовного завещания Крачковского, то никаких признаков жизни не слышно от А. В. Руманова.

Нашего Вице-Председателя в городе, вероятно, нет, в заседании он не бывает, в последнем заседании был П. П. Гнедич.

Я, кажется, писал Вам, что по точной смете, исправленной и дополненной (без прибавок содержания преподавателям), передержка по Школе равняется 111 000 р.

Вот всё, что у нас случилось, но при теперешнем положении могут быть всякие возможности. Вот почему мы и писали Вам коллективом приглашение.

Как Ваше здоровье? Давно от Вас не было вестей.

Искренно Вам преданный

Ив. Степанов

У нас происходит разборка журнала «Художественные Сокровища России», и мы прекратили отпуск Общине св. Евгении этот журнал и возвратили часть денег. Как только кончится разборка, сами объявим продажу по значительно возвышенной цене.

Хорошо бы теперь возродить литографию, пригласить для этого наших знаменитых мастеров, как это было с начала возникновения Общества. Эти возможности в наших руках.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

¹ При увеличении содержания преподавателям. — Сноска И. М. Степанова

² Ст[епан] Петр[ович] находит, что после залога дома остаётся со стороны Правительства опека над обществом, заложившим дом. — Приписка И. М. Степанова по левому краю письма.

16 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо В.А. Щавинского, И.М. Степанова к Химоне Н.П.

Всероссийское Общество Поощрения художеств.
16 Ноября 1917 г.
Петроград, Морская, 38.
№ 233.

Копия

Г-ну Исп. Об. Директора Школы Н. П. Химон[е].
Общее собрание, в заседании, состоявшееся 12 Ноября с. г. постановило:
1) за недостатком средств прекратить с 1 Января 1918 г. расходы из средств Общества на содержание Школы и 2) полученные ныне субсидии использовать на поддержание мастерских при Школе.
Об этом постановлении Комитет имеет честь Вас уведомить, для объявления Г[осподам] преподавателям.

За Председателя В. Щавинский (подписал)
Секретарь Ив. Степанов (скрепил)

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Машинопись.

18 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо Н. П. Химоны к Рериху Н.К.

Финляндия.
Сердоболь. Sortavala.
Ktimmella, дом Genetz.
N. Roerih — Рерих.

18 ноября.

Дорогой Николай Константинович,
Из твоей последней открытки заключаю, что ты не получил ещё моего *казаного* письма, в котором более или менее подробно изложил тебе создавшееся положение. Очень жаль, если это верно. У нас здесь по Обществу, а следовательно, и по Школе такое происходит, что... что... просто всё идёт к полному развалу с головокружительной быстротой. Нужны быстрые и решительные меры. Момент подходящий, для того чтобы Педагогический Совет взял всё в руки. Приезжай, если можешь. В политике не так страшно — порядок есть.

Твой Н. Химона

Плотников убит у себя на квартире — сегодня хоронили.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 19.11.1917, в Сердоболе 08.12.1917.

19 ноября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха - Комитету ВОПХ

В Комитет Всероссийского Общества Поощрения Художеств.

Здоровье моё ещё не улучшается. Необходимо применить лечение морозным воздухом. Надежда моя — на то, что Г. М. Бобровский в своё время вполне поправился и вернулся к нашей работе, а мой случай очень похож на его болезнь.

Проект Школы, порученный Комитетом, мною закончен. Чтобы не задерживать течение дела, прошу Комитет, не признает ли он целесообразным командировать ко мне Старшего Заведующего или Секретаря Школы или обоих для передачи им проекта при объяснениях. Надеюсь, что из предположений проекта можно вывести приемлемое для Общества художественно-просветительное учреждение.

Прилагаю все силы, чтобы восстановить здоровье и вернуться к любимому делу.

Обращаюсь к членам Комитета с искренним приветом.

Н. Рерих

19 Ноября 1917. Сердоболь.

Центральный государственный исторический архив, СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 52, 53. Автограф.

21 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо А.Ф. Белого³ к Рериху Н.К.

21/XI.

Дорогой Николай Константинович.

Описывать тебе моё нравственное состояние и не хочу — ты, вероятно, и сам понимаешь, в каких условиях приходится жить и вообще, и раньше чего только не пришлось пережить. Одно желание - чтобы скорей отпустили бы домой. Довольно уже переживаний. В 43 года тяжело очень. Вовек не забыть этого «дивного периода» революции.

Обидно то, что и так немного жить осталось, и так здоровье худое, а тут больным совсем уйдёшь. Вчера узнал об убийстве Плотникова. За что? Жить стало противно. Как же у Вас в Финляндии это время? Надеюсь, что лучше, чем в России. Как ты сам себя чувствуешь и как Елена Ивановна с мальчиками? Передай мой им сердечный привет. Желая Вам всем избежать всего худого в наше ужасное время. С осени мне всучили заведование Химической Командой, и вот przygotowляю инструкторов, вожусь с ними по теории и обкуриваю их хлором и в поле, и в камерах. Достается и мне. 16-го отравился и 2 дня худо себя чувствовал, но думаю, что это уже конец, т. к. всё равно скоро солдаты закроют лавочку, и мы накануне мира. Но что дальше будет — это уже трудно сказать. Боюсь осложнений, а нервы мои уже не могут выдерживать. Я был неврастеником, а теперь совсем худо себя чувствую.

---

³ А.Ф. Белый, брат В.Ф. Белого, находился в действующей армии – ред.

Отдыхаю, когда занимаюсь живописью. Пишу больше акварели, но времени для этого мало и дни коротки. Думаю, что скоро уже увидимся, с тем, чтобы быть у своего дела. Боялся я, чтобы в этот переворот и наш музей не пострадал, но, кажется, всё благополучно обошлось. Ведь какой-нибудь Антон тоже, вероятно, в большевики записался.

Отлично ты сделал, что перебрался из Питера в Финляндию. Воображаю, как гнусно в Петр[ограде] жить.

Бог даст, свидимся при лучших уже условиях.

Правда, небольшая, но всё же таится надежда на Учредительное Собрание. Авось сговорятся наши бывшие вожди. Извини, что пишу на обрывке - нет бумаги здесь это время. Чем же ты меня можешь порадовать. Или же тоже всё худое.

Мне почему-то кажется, что с Января и я уже приму участие в занятиях в Мастерских.

Ужасно был бы рад вернуться к своему делу. Брат писал мне и передавал твой привет. Желаю всего доброго и хорошего.

Сердечно обнимаю тебя.

Твой весь

Ал. Белый

Ещё мой привет семье.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма. Стоит штамп военной цензуры.

21 ноября 1917 г. Петроград.

Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху

21/XI.1917.

Дорогой Коля!

Школа наша погибает. Комитет и Общее собрание, состоявшее из 10 человек, решили закрыть школу с 1-го Января. Хренов, я и Химона подали особое мнение, протестуя против закрытия и предлагая заложить дом, чтобы поддержать школу. Мы, педагогический совет, решаемся защищать всеми силами Школу, нашу гордость, Школу, просуществовавшую 78 лет. Нельзя её прерывать даже на время: стыдно будет всем нам, если не спасём её. Ты приезжай теперь же, чтобы помочь делу спасения. Это моя просьба и дружеский тебе совет. Яремич, Щавинский и др., прикрываясь финансовым кризисом Об-ва и проливая крокодиловы слёзы, держат себя врагами настоящей школы, и ясно виднеется в их действиях некоторый план. Школу разогнать, а потом открыть на новых экономных началах, т. е. одну художественную мастерскую, наподобие парижских частных мастерских. Я очень-очень против такого типа школы. Это дело частного лица, а не Об-ва. А я, как тебе известно, высоко ставлю именно идею нашей художественно-просветительной школы «для массы». Мы поставим вопрос о существовании Школы остро. Да, я прервал свою мысль о «некотором плане». Что ты думаешь о Яремиче? Не авангард ли это Алекс. Бонуа? А секретарь Степанов? (из Краен. Креста) Щавинский?..

Дело может обстоять так, что мы все уйдём, вероятно, и те с нами. Некоторые преподаватели спрашивали меня — знаешь ли ты о постановлении Общ[его] собрания и о плане реформирования школы и каково твоё мнение об этом. Я, конечно, не мог дать им точного ответа. Теперь начались морозы —

ты, может быть, приедешь? Химона тебе писал заказным — но ответа не получил. Сегодня похоронили Плотникова, убитого кем-то у себя на квартире — молотком.

Вопрос о Крыме пока не двинулся в ожидании тебя, а кроме того, главное, из-за вопроса о существовании нашей школы.

Будет огромная ошибка, если школа закроется и перейдет потом хотя бы даже под протекторат А. Бенуа. Ошибка для дела, не для нас — преподавателей, конечно.

Художественные мастерские - это только лишняя конкуренция для мастерских частных художников, Об-во поощрения будет отнимать у них кусок хлеба и плодить грубую массу живописцев. Другое дело мастерские при Школе со строгим фильтром. Тип Школы нашей образовался путём долгой работы и опыта. Она не должна следовать моде, широкой и пошлой современности, а идти своими традициями твёрдо, пользуясь своими заслугами и популярностью.

Нельзя вводить в неё стиль «модерн» какой бы то ни было, ибо всякий «модерн» — это то же, что «модер» в быту, который держится 5 лет не более.

Я скептически отношусь к новым методам художеств[енного] преподавания, которым заражены теперь все учителя и учительницы в приходских школах и в гимназиях, американское рисование обеими руками, замена гипса глиняными горшками и пр. Боязнь старого, боязнь рутины. Бояться надо всего пошлого и рутины, конечно. И Врубель и Серов учились по-старому, а Брюлловы, а Иванов, Кипренский, Боровиковский, Левицкий? и т. д. Я бы хотел только, чтобы школа была «строгая». Этого у нас, к сожалению, нет, а это надо. Уйдя из школы, я, м[ожет] б[ыть], сам открою у себя школу не для заработка, а из любви к искусству.

Очень будет жаль, если ты не приедешь, не сможешь. Жаль для дела и для тебя лично.

Как здоровье твоё?

До свиданья!

Твой Аркаша

Р. С. Ученики ведут себя выше всякой похвалы, пожаловаться не можем. VI и VII класс соединили. Барышни и ученики работают вместе: утренняя группа и вечерняя. Просили задать им эскиз - Вахрамеев задал: «построй на колонне» - пан[н]о. Темой они довольны - а что выйдет, неизвестно.

Плотников всех поразил.

Были сегодня на могиле Архипа Ивановича

Вчера была интересная «Пятница» на выставке Об-ва Куинджи.

Макаренко сегодня прогнал из Эрмитажа большевиков. Неизвестно, что дальше будет. Сегодня же он сцепился где-то с Яремичем. И он оба раза был прав.

Тебе бы очень надо приехать и уладить дело со Школой, я боюсь, что если не приедешь и не уладишь, то тебя многие будут обвинять в закрытии [сверху подписано разрушении] Школы, в соучастии. По дружбе тебе это советую.

Всего лучшего и счастливого.

Твой А. Рылов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

**21 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо А. А. Рылова к Рериху Н. К.**

Финляндия. Сердоболь.
Николаю Константиновичу Рериху.
Sortavala. Дом Genetz.

Дорогой Коля, вчера⁴ я отправил Тебе письмо о «закрытии школы». Сегодня мы, некоторые, собирались на совещание в Об-ве Куинджи. Твой брат и Химона прочли нам только что полученные ими с оказией письма, из которых видно, как ты волнуешься и недоумеваешь действиями Комитета. Так ты нужен нам в настоящий момент. Химона и Бор[ис] Константинович] дня через два едут к Тебе, и я верю, что с Тобой дело школьное спасётся, и враги будут посрамлены.

Будь здоров и счастлив.

Твой А. Рылов

Видно, что люди пользуются твоим отсутствием. Почта — одна беда!

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 21.11.1917, в Сердоболе 08.12.1917. Стоит штамп военной цензуры.

**25 ноября [1917]. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И. М.**

Петроград. Морская, 38.
Канцелярия Общ. Поощрения Художеств.
Ивану Михайловичу Степанову.

---

25 Ноября.

Дорогой И[ван] Михайлович]. С нетерпением жду весть - приедет ли кто от Школы за проектом? Проект, кажется, удался, и, Бог даст, со временем кто-нибудь похвалит его, как мы хвалим Устав Григоровича. Всё у нас оттепель, выходить мне нельзя. Всё - 37. - 37,4 - 37,5. Просто беда. Но хочется хоть отсюда помочь Школе. По смете надо всего 25 000 добавочной субсидии или получить их от сдачи помещений, — это не страшно. Отчего Ст[епан] Петр[ович] упорно молчит. Работает, верно, над картинами? Что Александр Николаевич - писал ему, но ответа нет. Как Вы живёте? Пришлите газетку, уже неделю без вестей.

Ваш НР.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873. И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 19~19об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе неразборчив.

---

⁴ Предыдущее письмо А. А. Рылова датировано также 21 ноября.

27 ноября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П.

Петроград. Морская, 38.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой Ст[епан] Петрович], я послал проект Свободной Академии. Будь добр, поддержи его. Не получаю Твоих писем. Напиши, как живёшь, что нового во всяких мирах, и в картинном? Ив[ан] Михайлович] (привет ему) писал, что был отличный состав постоянной] выст[авки]. Что там было? Никол[ай] Петр[ович] [Химона - ред.] расскажет Тебе о моей жизни. Буду ждать известий.

Твой Н. Р.

27 Нояб. 1917.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 25-25об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 29.11.1917.

*****

«Знание духа указывает нам, как размер цели создаёт размер возможностей и символ распада тяжкой двери лучше всего показывает, так надо действовать...»

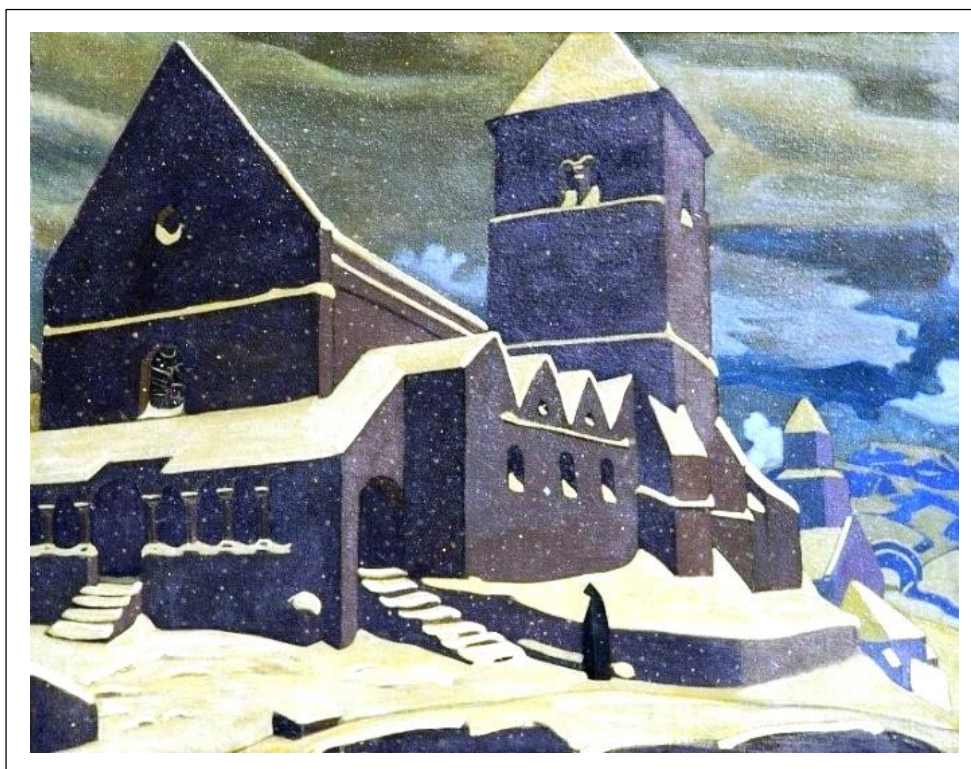
НА ПОСЛЕДНИХ ВРАТАХ

Нам сказали: «Нельзя».
Но мы всё же вошли.
Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово «нельзя».
Мы хотели знаки увидеть.
Нам сказали: «Нельзя».
Свет хотели зажечь.
Нам сказали: «Нельзя».
— «Стражи седые, выдавшие,
знавшие! Ошибаетесь, стражи!
Хозяин дозволил узнать.
Видеть хозяин дозволил.
Наверно, он хочет, чтобы
мы знали, чтобы мы видели.
За вратами посланец стоит.
Нам он что-то принёс.
Допустите нас, стражи!»
«Нельзя», — нам сказали
и затворили врата.
Но всё же много врат
мы прошли. Протеснились.
И «можно» оставалось за нами.
Стражи у врат берегли нас.

И просили. И угрожали.
Остерегали: «Нельзя».
Мы запомнили всюду «нельзя».
Нельзя всё. Нельзя обо всём.
Нельзя ко всему.
И позади только «можно».
Но на последних воротах
будет начертано «можно».
Будет за нами «нельзя».
Так велел начертать
Он на последних
воротах.

1916

Цветы Мориц. Берлин. 1921.

Н.К. Рерих. Покаяние. 1917.

«Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда даёт мощь и силу перенести всё, решительно всё.

Это так и есть.

Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина.

Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный со всем великолепием облачного зодчества».

Н.К. Рерих «Пламя».

30 ноября 1917

Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху

30/XI.1917.

Коля, дорогой друг.

Никол[ай] Петр[ович] всё рассказал нам о тебе. Он говорит, что моё письмо показалось тебе обидным. Пойми меня, прости и не сердись. Оно должно было тебя взволновать, потому что я сам писал его, сильно волнуясь, но оно не должно тебя обидеть — я этого совсем не хотел, а если так вышло, то извини, прошу очень. Я нервничал, постоянно слыша заподозривания тебя в единомыслии с Яремичем, Щавинским и др. Я всеми мерами старался рассеять эти подозрения, рассказывая, как мы с тобой осенью рассуждали о программе школы, о расширении её, а не закрытии школы или сокращении.

Я очень обрадовался твоей телеграмме, которую всем, кого видел, - показал. Она успокоила преподавателей и рассеяла подозрения.

Мой настойчивый призыв к тебе, мой вопль, чтобы ты приехал, не должен тебя обидеть. Больному, конечно, ехать нельзя. Но ты сам писал мне, что с морозами ты приедешь. Это был мой вопль о гибели любимой мною школы, и ничто другое, а я знал, что твоё присутствие здесь сразу же ликвидировало [бы] заговор Комитета. Щавинск[ий], Яремич, Степанов и др. действуют, прикрываясь твоим именем.

Возмущены, что Химона, пользуясь твоим отсутствием, открыл школу. При мне на Общ[ем] Собрании Щавинск[ий] злобно высказывал это.

Вчера приехал Бобровский.

Завтра собираемся на совещание, а в Субботу на Педагогический] Сов[ет]. Проект твой хорош - надо разработать детали. Очень хотелось бы поговорить с тобой вообще об Обществе, да уж потом когда-нибудь.

Перминской трудно: обмен мнений слишком затягивается. Вот, напр[имер], о Варшавском Общ. Поощрении Худож., как я слышал, оно имеет свыше 30 000 членов, взнос 10 руб. = 300 000 руб. Половину почти оно тратит на покупку картин, которые разыгрывает между членами. Издаёт репродукции с картин, которые даются всем членам в виде премии. Таким образом, оно широко распространяет искусство, заинтересовывает им и поощряет, кроме того, бесплатный вход на выставки играет ту же роль. Приходится сравнивать Варшавское Поощрение с нашим, с Всероссийским. У нас, чтобы попасть в Действ[ительные] Члены и Комитет, достаточно собирать коллекцию монет, гербов и пр. и недостаточно быть художником или преподавателем Школы Об-ва. Хорошо, что ещё директор по уставу входит в число членов Комитета, а то и он мог бы не быть избранным. А ведь самые близкие, самые доброжелательные и заинтересованные друзья Общества были бы именно преподаватели с директором во главе. Фарфоров[ый] Завод — член Общества, а Школа — безгласный придаток, который по воле мыловаренного или Фарфорового Завода может быть за ненадобностью отрезан или перефасонен.

А общее собрание, чрезвычайное, из 10 членов, в том числе нанятый чиновник секретарь! Ведь Общество Всероссийское! Мне кажется, преподаватели давно заслужили § 7-й. Мне неловко перед товарищами, что только я, да Химона — твои близкие друзья — удостоились этого § 7-го. Понимаешь эту неловкость? Я избран не как художник или преподаватель, а за составление неудачного каталога Музея, Химона как инспектор, Машукова тоже. Словом,

предпочтение даётся всякой другой деятельности, кроме художественной. На общ[ем] собрании были три художника, которые горячо защищали Школу, а остальные всё какие-то чиновники, дилетанты... Мне было очень странно за-седать с ними.

Конечно, в Комитете Школа представлена Директором, но ведь у него только один голос, а могло бы быть много, не правда ли? Вот тебе мои раз-мышления.

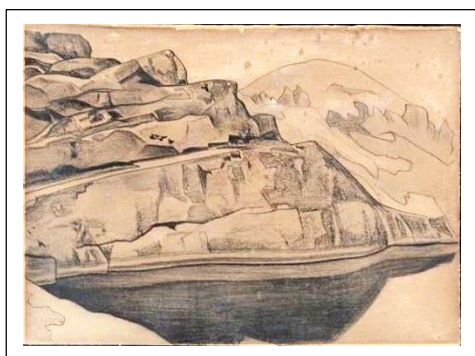
Химона с восторгом рассказывает о твоих работах. Работай, пиши, желаю тебе успехов, и не приезжай, пока не поправишься хорошенько. Не волнуйся, главное: всё пустяки, кроме искусства. Верю, что буйный, мутный поток, про-рвавший гнилую плотину, унесёт всю накопившуюся столетиями грязь и нечисть, войдёт в берега и потечёт чистой водой наша Российская река.

Пусть отделяются все наши инородцы — это лучше.

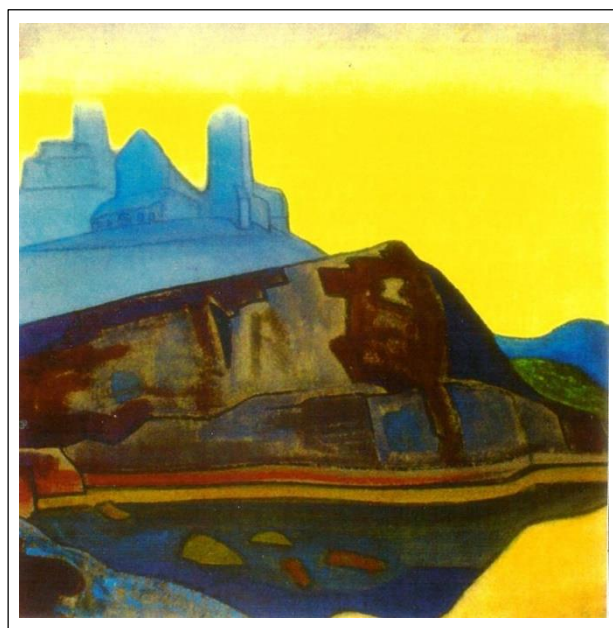
Дай Бог всего тебе счастливого.

Твой А. Рылов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

Н.К. Рерих. Линнасаари. 1917. Эскиз.

Н.К. Рерих. Линнасаари. 1917.
[Linnasaari в переводе с финского «Остров замок»]